

ВОЛЬФРАМ АЙЛЕНБЕРГЕР

Симона де Бовуар

ПЛАМЯ СВОБОДЫ

Ханна Арендт

Айн Рэнд

СВЕТ ФИЛОСОФИИ В ТЕМНЫЕ ВРЕМЕНА

Симона Вейль

1933-1943

Вольфрам Айленбергер

**Пламя свободы. Свет философии
в темные времена. 1933–1943**

«Ад Маргинем Пресс»

2020

УДК 14(44+73)"1933/1943"
ББК 87.3(7Сое)+87.3(4Гем)

Айленбергер В.

Пламя свободы. Свет философии в темные времена. 1933–1943 /
В. Айленбергер — «Ад Маргинем Пресс», 2020

ISBN 978-5-91103-741-3

1933 год. Ханна Арендт бежит из Берлина, чтобы присоединиться к таким же изгнанникам без средств и документов, ищущим приют в Париже. Симона де Бовуар ищет ответы на вызовы жестокого мира в Руане. Айн Рэнд работает в голливудском изгнании над романом, который, как она верит, вновь зажжет пламя свободы на ее приемной родине. Симона Вейль, разочарованная итогами революции в России, посвящает все свои мысли и силы тяжкому жребию угнетенных. В течение следующего десятилетия, одного из самых мрачных в истории Европы, эти четыре женщины, преданные мысли, будут разрабатывать идеи, которые во второй половине столетия облетят земной шар и изменят мир. Вольфрам Айленбергер проходит по стопам своих героинь от Ленинграда до Нью-Йорка и от Испании в разгар гражданской войны до оккупированной нацистами Франции, чтобы проследить извилистые траектории их судеб. Они сталкиваются с несправедливостью, несвободой и непостижимым насилием своего времени как женщины, беженки, активистки, участницы Сопrotивления, но прежде всего как мыслительницы. Следя за выплавкой их радикальных идей в безжалостном тигле времени, мы вместе с ними убеждаемся в искупительной силе мысли. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 14(44+73)"1933/1943"
ББК 87.3(7Сое)+87.3(4Гем)

ISBN 978-5-91103-741-3

© Айленбергер В., 2020
© Ад Маргинем Пресс, 2020

Содержание

I. Искры (1943)	11
Проект	12
Зрелость	13
Ситуация	15
Смертные грехи	16
Мораль	17
Миссия	18
Вдохновение	20
В трансе	22
Слабоумная	23
Бесстыдство	25
Готовность к борьбе	26
Только логика	28
Чужбина	29
Без барьеров	30
Разрыв	31
Современность	32
II. Эмиграция (1933–1934)	33
Сети	34
Случай Рахели	35
Просвещенная	37
Многоголосие	38
Немецкая природа	39
Черный ход	41
В бешенстве	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Вольфрам Айленбергер Пламя свободы. Свет философии в темные времена. 1933–1943

Посвящается Венле и Кайсе, женищинам в пути

*Быть может, ты хотел,
Чтоб я возненавидел жизнь,
Бежал в пустыню...*

*Иоганн Вольфганг фон Гёте
Прометей. 1789
(пер. В. Левика)*

*Fool me once, fool me twice
Are you death or paradise?
Билли Айлиш
No Time To Die. 2020*

The translation of this work was supported by a grant from the Goethe-Institut

© 2020 by J. G. Cotta'sche Buchhandlung Nachfolger GmbH, gegr. 1659, Stuttgart Russian translation is published by arrangement with Gaeb & Eggers Literary Agency, Berlin
© 2024 ООО «Ад Маргинем Пресс», 2024

Ханна Арендт

Симона де Бовуар

Айн Рэнд

Симона Вейль

I. Искры (1943)

БОВУАР В STIMMUNG¹

ВЕЙЛЬ В ТРАНСЕ

РЭНД ВНЕ СЕБЯ

А АРЕНДТ В СТРАШНОМ СНЕ

---

¹ Нем. Stimmung – настроение, расположение духа. – Здесь и далее астерисками обозначены примечания редакторов перевода, цифрами – примечания автора, приведенные в конце книги.

Проект

«К чему вообще начинать, если всё равно приходится останавливаться?»[1] Для начала неплохо. Эссе именно об этом: о напряжении между конечностью собственного бытия и очевидной бесконечностью этого мира. Стоит только задуматься, и пропасть абсурда грозит поглотить любой замысел, любой проект, любую поставленную цель. И совершенно неважно, какова цель: покорить всю планету или ухаживать за собственным садом[2]. Результат одинаковый. Не люди, так само время рано или поздно уничтожит и предаст забвению плоды всех твоих трудов. Как будто они никогда не существовали. Их судьба так же predetermined, как смерть человека.

Так зачем же вообще что-либо делать, почему не сложить руки? Или, следуя классической триаде вопросов: «Что есть мера человека? Какие цели он вправе ставить? На что он может надеяться?»[3] И это сработало. Да, это была та самая искомая структура!

Симона де Бовуар сидит за угловым столиком на втором этаже кафе «Флор» и смотрит вслед проходящим мимо. Это идут они. Другие. Каждый и каждая со своим собственным сознанием. Со своими личными страхами и тревогами, планами и надеждами. Такие же, как она. И она – лишь одна из миллиардов. От этой мысли у нее всякий раз пробегает холодок по спине.

Согласие далось Бовуар нелегко. В первую очередь – из-за тематики, интересовавшей Жана Гренье² как редактора. Он обратился к Бовуар с предложением написать для сборника, посвященного важнейшим течениям в современной философии, текст об «экзистенциализме»[4]. Хотя ни Сартр, ни она сама прежде не использовали это понятие применительно к себе. Это было свежее изобретение журналистов, не более того.

Сколько же иронии в таком задании и в его теме! Если и существовал какой-то лейтмотив, определявший путь Бовуар и Сартра в последние десять лет, то это был последовательный отказ от любых «полочек», на которые их стремились поставить другие. Именно такой тип бунта являлся ядром проекта. До сегодняшнего дня.

---

² Гренье, Жан (1898–1971) – французский писатель и философ. В 1930-х годах, преподавая в Алжире, существенно повлиял на развитие ранней философии Альбера Камю.

Зрелость

Ну хорошо, пусть другие называют это «экзистенциализмом». Она сама предпочла бы обойтись без этого слова. Будучи писательницей, Бовуар просто хочет сделать то, что всегда, начиная с самых первых записей в девичьем дневнике, любила больше всего: максимально сосредоточиться на тех вопросах, которые определяют ее бытие (Dasein) – и ответа на которые она до сих пор не знает. Как ни странно, вопросы всё те же. Главный из них – вопрос о возможном смысле ее собственного существования (Existenz). И второй – о значении для нее других людей.

Как бы то ни было, никогда еще Бовуар не чувствовала себя в этих размышлениях так уверенно и свободно, как сейчас, весной 1943 года. В разгар Второй мировой войны. В сердце оккупированного города. Несмотря на продуктовые талоны и нехватку товаров первой необходимости, на мучения без кофе и табака. (Сартр дошел до того, что по утрам подбирает на полу «Флор» вчерашние окурки.) Несмотря на постоянные проверки, придирки и комендантский час, на повсеместную цензуру и немецких солдат, которые нагледят теперь даже здесь, в кафе на Монпарнасе. Если у нее есть время и условия, чтобы писать, всё остальное можно вытерпеть.

К осени в издательстве Gallimard должен выйти ее первый роман[5]. Второй закончен и лежит в ящике стола[6]. Хорошо идет и работа над пьесой[7]. Настал черед философского эссе. Тысячестраничный труд Сартра *Бытие и ничто* также принят издательством и готов к печати. Премьера *Мух*, на тот момент – его самой политически острой пьесы, должна состояться через месяц в «Театре Ситэ».

Всё это – итог целого десятилетия, в течение которого им вдвоем действительно удалось найти новый способ философствования. А поскольку одно без другого невозможно – то и новый образ жизни, как профессиональной, литературной, так и личной, эротической.

Еще в годы учебы на кафедре философии в Высшей нормальной школе Сартр пригласил ее, чтобы она объяснила ему Лейбница, и вскоре они заключили необычный любовный союз, поклявшись друг другу в безусловной искренности и духовной верности с сохранением открытости к другим отношениям. Их отношения скрепил навечно договор, допускавший посторонние связи. Динамическое двуединство, в котором, по их замыслу, должен отражаться весь мир. И с тех пор этот план вел их ко всё новым приключениям: из Парижа в Берлин и Афины; от Гуссерля к Хайдеггеру и Гегелю; от трактатов к романам и пьесам. От никотина к мескалину и амфетамину. От Маленькой русской к Маленькому Босту³ и Совсем маленькой русской. От Низана⁴ к Мерло-Понти и Камю. Этот план вел их и вел, и сейчас – как никогда верно и гладко. («Проживать любовь означает меняться и видеть новые цели»[8].)

Свою недельную нагрузку, не больше шестнадцати часов, в качестве преподавателей философии они теперь обрабатывали без пылкого энтузиазма. Пренебрегая буквой учебного плана, они требовали от студентов лишь краткие рефераты, а затем предоставляли им простор для дискуссий. Впрочем, с неизменным успехом. Тем более что эта работа позволяла им платить по счетам, пусть и частично. Ведь на их плечах лежала ответственность не только за себя, но и за остальных членов их «семьи». Ведь после пяти лет в Париже Ольга всё еще топчется на старте своей артистической карьеры. Маленький Бост тоже, будучи независимым журналистом, едва сводит концы с концами, а Ванда, младшая сестра Ольги, по-прежнему отчаянно ищет свое призвание. Лишь Натали Сорокина, самая юная их компаньонка, твердо стоит на

---

³ Бост, Жак-Лоран (1916–1990) — французский писатель, сценарист, переводчик и журналист, близкий друг Сартра и Бовуар.

⁴ Низан, Поль (1905–1940) – французский философ и писатель; друг Сартра. В ранние годы Низан придерживался марксизма; его роман *Аден Араби* (1931; переиздан в 1960-м с предисловием Сартра) вызвал шумный скандал, обусловленный его идейным антибуржуазным радикализмом.

ногах: еще в начале войны она занялась воровством велосипедов и теперь торгует на черном рынке самыми разными товарами, на что нацисты закрывают глаза.

Ситуация

Опыт войны и оккупации сблизил их еще сильнее. Именно в последние месяцы их совместная жизнь наконец-то по-настоящему наладилась – по крайней мере, так считает Бовуар, негласная глава семьи. Каждый наслаждается своей ролью, не ограничиваясь ею. Каждый знает свои права и их границы. Каждый счастлив с самим собой, но и вместе им вовсе не скучно.

Предстоящее оглашение приговора беспокоит Бовуар не только из-за страха за себя. Вот уже больше года вишистские ищейки раскапывают ее дело. Мать Сорокиной случайно нашла в ящике стола интимную переписку дочери с ее тогдашней преподавательницей философии. Выяснив сперва некоторые подробности, она обратилась в полицию. Утверждала, что Бовуар неизменно действует по одной схеме: сначала завязывает дружеские отношения со студентками (или бывшими студентками), которые восхищаются ею. Потом соблазняет их. А спустя какое-то время передает своему многолетнему сожителю, преподавателю философии и литератору Жан-Полю Сартру. В центре расследования – «склонение к развратным действиям»[9]. В случае обвинительного вердикта Бовуар грозят неприятные последствия, и самое безобидное из них – лишение права преподавания.

Пока ясно только то, что Сорокина, Бост и Сартр ни о чем не проговорились. Кроме тех самых писем к Сорокиной, недостаточных для обвинения, у следствия нет доказательств. Зато оно располагает множеством свидетельств, недвусмысленно показывающих полиции Петена, к какому сегменту политического спектра следует отнести преподавательницу Бовуар. И каким идеям она предана всей душой.

Уже несколько лет они живут не в квартирах, а в гостиницах Монпарнаса. Здесь они танцуют и веселятся, кулинарят и пьют, спорят и спят друг с другом. Без давления извне. Без всяких правил. А главное, без лживых – насколько это возможно – обещаний и обязательств. Может быть, простой взгляд, легкое прикосновение, ночь за разговорами – уже искра в пламя обновления жизни? Они страстно желают верить в это. Да, по Бовуар и Сартру, человек становится самим собой, только начиная что-то новое.

Человек никогда и нигде не достигает финиша. Есть только исходные точки, только начало. В каждом человеке человечество начинает всё заново. Поэтому молодой человек ищет свое место в мире и не находит, поэтому он чувствует себя покинутым <...>[10]

Вот почему они взяли к себе из провинции Ольгу, Ванду, Маленького Боста и Сорокину, вот почему поддерживают их и помогают деньгами. Чтобы помочь этим потерянными молодым людям вырваться на свободу. Чтобы они смогли найти свое место в мире, а не послушно занять уготованное. Акт любви, а не подчинения. Живой эрос, а не слепой разврат. Акт на основе человечности. Ибо «человек становится человеком только тогда, когда сам выбирает себя; отказываясь от выбора, он себя уничтожает»[11].

Смертные грехи

Если в ее новой философии что-то и могло бы после смерти Бога занять освободившееся место «греха», то лишь сознательный отказ от свободы. Именно такого, полагает она, добровольного самоуничтожения следует избегать любой ценой. Как в отношении себя самого, так и в отношении других. В частной жизни, как и в политике. Избегать здесь и сейчас, во имя жизни. Во славу жизни как таковой. А вовсе не во имя «бытия к смерти», по слову Мартина Хайдеггера, этого «экзистенциалиста» из немецкой глубинки.

Человеческое бытие пребывает в форме проектов, которые проецируются отнюдь не на смерть, а на некие цели. Поэтому люди [Man⁵] не обречены к смерти.[12]

Единственное Бытие, которое она признает, – бытие этого мира. И все главные ценности – это ценности нашего мира, а не потусторонние. Их единственный подлинный источник – воля свободного субъекта к реализации своей свободы. Именно это и значит *существовать*.

Как раз такую форму существования и стремится искоренить Гитлер со своими приспешниками. Именно ее имели в виду нацисты, когда, совершив нападение на родину Бовуар три года назад, задумали указывать после своей победы всем оставшимся на планете людям, как им следует писать эссе и как ухаживать за садом.

Нет, у нее и вправду есть дела поважнее, чем беспокоиться об исходе расследования. Пусть отбирают преподавательскую лицензию! Она обойдется и без нее. Во всяком случае теперь, когда перед нею, как ей кажется, открылось столько возможностей.

---

⁵ Термином «das Man» Хайдеггер характеризует повседневное, безличное существование – или, другими словами, такой способ существования, при котором человек, не имея собственного лица, наделен «несобственностью» (Uneigentlichkeit; пер. В. Бибихина). О несобственном существовании см. подробно: *Хайдеггер М. Бытие и время*[1927] / пер. В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997 (особенно с. 41–44; 175–180; 259–260).

Мораль

Бовуар не терпит окунуться в дискуссию. Вечером она собирается на генеральную репетицию последней пьесы Сартра. После нее, как всегда, вылазка в бары. Камю тоже обещал прийти. Если ход ее размышлений верен, Бовуар близка к тому, чтобы открыть новое предназначение человека как действующего субъекта. Причем такое, которое не окажется в конечном счете пустым и бессмысленным, как у Сартра, и не выльется в абсурд, как у Камю. В своем эссе она предложит альтернативу. Собственный, третий путь.

Согласно Бовуар, масштаб деятельности человека ограничен внутри него самого двумя препятствиями. Во-первых, тоталитарным насилием. Во-вторых, тем самым – абсолютно асоциальным – самоотречением. Выражаясь конкретнее: человек замкнут в пространстве между предельно индивидуалистическим стремлением к покорению мира и столь же индивидуалистическим желанием возделывать свой сад. Но стоит только выглянуть в окно, чтобы убедиться в том, что в мире помимо тебя есть другие люди. Именно по этой причине моральные цели необходимо удерживать между двумя полюсами: между самозабвенным и всегда безличным сочувствием ко *всем* другим, с одной стороны, и заботой исключительно о собственных делах – с другой. Вот сцена реальной жизни: «Девушка сердится из-за того, что ее дырявая обувь промокла. А другая, быть может, плачет из-за ужасного голода в Китае»[13].

Бовуар сама однажды оказалась в этой ситуации. Девушкой в дырявых башмаках была она – вернее, прежняя ее версия. Второй, плачущей, была одна ее знакомая, Симона Вейль. С тех пор Бовуар не встречала никого, кто бы рыдал из-за того, что где-то на другом краю света случилась катастрофа, вроде бы никак не связанная с его жизнью. «Вторая» Симона так и осталась для нее загадкой.

Бовуар прервалась и посмотрела на часы. Пора. Завтра утром, чтобы поразмышлять над этим, она снова придет во «Флор».

Миссия

К началу 1943 года Симона Вейль, так же как и Бовуар, окончательно решается на радикальную смену курса. Серьезность ситуации не оставляет иного выбора. Этой весной тридцатичетырехлетняя француженка как никогда твердо уверена в том, что столкнулась со злом, оправдывающим любые жертвы. Причем для такого глубоко верующего человека, как она, наибольшая жертва – не в том, чтобы расстаться с собственной жизнью, а в том, чтобы распорядиться жизнью других.

Этой весной Вейль записывает в дневнике:

В случае военной необходимости я готова убивать немцев не потому, что я от них пострадала. – И не потому, что они ненавидят Бога и Христа. Но потому, что они – враги всех стран земли, включая мою родину, и потому что, к несчастью, к моей искренней скорби, к моему крайнему сожалению, нельзя помешать им делать зло иначе, как убив определенное их количество.[14]

Вместе с родителями она эмигрировала в Нью-Йорк, но в конце 1942 года села на грузовое судно, отчаливавшее в Ливерпуль, чтобы там, в Англии, присоединиться к армии «Сражающейся Франции» под командованием Шарля де Голля[15]. В эти решающие для хода войны месяцы Вейль страшнее всего сознавать, что она находится вдали от родины, от своего народа. Прибыв в штаб-квартиру в Лондоне, она незамедлительно сообщает командованию о своем горячем желании получить задание на территории Франции – возможно, чтобы принять там мученическую смерть за родину. Например, она могла бы десантироваться с парашютом, ведь она теперь знает о парашютах всё. Или стать агентом, поддерживать связь с товарищами на местах. Кое-кого из них она знает лично, поскольку несколько лет назад в Марселе была активисткой католической группы Сопротивления «Свидетели Христа». Но предел ее желаний – стать во главе специальной миссии, придуманной ею самой. По ее убеждению, эта миссия может решить исход войны. План Вейль состоит в том, чтобы создать спецподразделение французских медсестер, которые будут задействованы на самых опасных участках с целью оказания первой помощи прямо на поле боя. Необходимые медицинские знания Вейль получила на курсах Красного Креста в Нью-Йорке. Она считает, что такое подразделение спасет на передовой много ценных жизней. В подтверждение серьезности своих намерений она предъявляет офицерам штаба список научных публикаций на тему полевой хирургии.

Однако главнейшая ценность подразделения заключается в его символической силе, в его *духовном* значении. Нынешняя война, с энтузиазмом продолжает Вейль, так же как и любая другая, – это прежде всего война мировоззрений, то есть война пропаганды. К сожалению, в этой сфере враг пока одерживает верх. Вспомним хотя бы о войсках СС и той «славе», что летит впереди них по всей Европе:

Эсэсовцы представляют собой совершенное выражение воодушевления гитлеризма. На фронте <...> они выказывают brutальный героизм <...>. Показать миру, что мы стоим больше, чем наши враги, превзойдя их по степени храбрости, мы не в силах, ибо количественно это невозможно. Зато мы можем и должны показать, что наша храбрость другого качества, труднее достижимого и более редкого. Их храбрость – грубого и низкого рода, она происходит от воли к власти и к разрушению. Как наши цели отличаются от их целей, так и наша храбрость происходит от совсем другого воодушевления.

Никакой символ не может лучше выразить наше воодушевление, чем предлагаемый здесь женский отряд. Простая стойкость в некоем служении человечности в самой гуще битвы <...> будет ярким вызовом той дикости,

которую выбрал наш враг и навязывает ее нам. Вызов будет тем более поразителен, что это служение человечности будут осуществлять женщины, и оно будет овеяно материнской нежностью. На практике этих женщин будет горстка, и количество солдат, которыми они смогут заниматься, будет относительно невелико; но моральная действенность символа не зависит от количества.

<...> Это будет самым ярким изображением двух направлений, между которыми человечеству сегодня приходится выбирать.[16]

Снова, чтобы спастись от идолопоклонства, Франции необходима истинная вера. Говоря иначе, Вейль мечтает об этаким женском анти-СС в духе Орлеанской девы. Ею разработан подробный план, который она передает Морису Шуману⁶, и тот твердо обещает своей однокашнице представить ее проект де Голлю. Шуман лично сопровождает Вейль в казарму, где ей предстоит ночевать.

Как и ожидалось, де Голлю хватает трех секунд, чтобы вынести по «спецотряду медсестер» заключительный вердикт. «Да она сумасшедшая!»[17] В случае Вейль, решают они, все варианты отправки во Францию исключены напрочь. Слишком опасно. Да вы посмотрите на нее: тощая, кожа да кости, без очков – почти слепая. Физические данные не дадут ей справиться. Не говоря уже о морально-волевых.

Шуман всё-таки решается заметить: Вейль – исключительно цельная личность и особенно выделяется своим интеллектом. Окончила кафедру философии в Высшей нормальной школе, свободно говорит на разных языках, имеет талант к математике. У нее многолетний опыт в журналистике и профсоюзной работе. Шуман настаивает: этими качествами Вейль надо воспользоваться.

В результате она не отправляется на фронт погибать за свои идеалы – командование поручает ей миссию иного рода. Вейль предстоит заняться разработкой плана политического возрождения Франции после победы над Гитлером и перехода власти к правительству в изгнании.

Она крайне разочарована, но не спорит. Берется за поручение и, запершись в импровизированном кабинете в гостиничном номере на Хилл-стрит, 19, приступает к мозговому штурму.

---

⁶ Морис Шуман (1911–1998) – французский политический деятель, герой Второй мировой войны, с 1974 года – член Французской академии. К началу 1940-х годов Шуман был широко известен – его называли «рупором „Свободной Франции“», – поскольку работал диктором этой организации на BBC. (В более поздний период Шуман, занимавший высокие министерские посты, прослыл, наряду с другими ближайшими соратниками де Голля, «бароном голлизма».) Пути Вейль и Шумана впервые пересеклись в парижском Лицее Генриха IV (Вейль училась там в 1925–1927 годах); в этом же лицее учился Жан-Поль Сартр.

Вдохновение

В истории человечества наберется, наверное, совсем мало людей, настолько продуктивных в сфере интеллектуального труда на протяжении четырех месяцев, как философ и борец Сопротивления Симона Вейль той лондонской зимой 1943 года. Из-под ее пера один за другим выходят теоретические трактаты на темы революции, конституции и политического переустройства Европы. Она работает над исследованием гносеологических корней марксизма и функций партийной системы в демократическом обществе. Она переводит с санскрита тексты из *Упанишад*; создает эссе, посвященные теории таинств, христианским святым и истории религий в Древней Греции и Индии. Наконец, она пишет *Укоренение* – трехсотстраничный трактат, посвященный новой культуре современного человека[18].

Судя по *Проекту отряда медицинских сестер для работы на передовой*, для Вейль наиболее животрепещущие проблемы сосредоточены в сфере идеального и воображаемого. Из ее анализа следует, что Европа как континент, на котором за два десятилетия вспыхнули целых две мировых войны, давно страдает от деградации культурных и политических ценностей и идеалов, ранее служивших ей верной опорой. В феврале Вейль отправляет в штаб-квартиру «Сражающейся Франции» сообщение, в названии которого утверждается, что эта война – «война религий»[19].

Европа остается в центре драмы. От огня, низведенного на землю Христом (который, возможно, тот же, что и огонь Прометея), несколько горящих углей сохранилось в Англии. Этого хватило, чтобы помешать худшему. <...> Наше положение остается гибельным, если из этих углей и искр, потрескивающих на континенте, не поднимется пламя, способное зажечь всю Европу.

Если мы получим избавление только деньгами и заводами Америки, мы снова так или иначе впадем в новое рабство, эквивалентное тому, в котором находимся. Не надо забывать, что Европа покорена не ордами, хлынувшими с другого континента, и не пришельцами с Марса, которых достаточно просто прогнать. Европа страдает от внутренней болезни. Она нуждается в исцелении.

<...> Покоренные страны могут противопоставить завоевателю только религию.

<...> Коммуникации противника <...> стали бы невозможны, если бы пожар подлинной веры распространился по всей этой территории.[20]

Поэтому, чтобы запустить процесс исцеления, сначала за счет военных ресурсов, а затем политических и культурных, континенту требуется, по мнению Вейль, новое «вдохновение», в частности почерпнутое из текстов Платона и Нового Завета[21]. Ибо тому, кто в темные времена жаждет истинного выздоровления, надлежит обратиться к источникам, внеположным нашему миру.

В первую очередь это относится к ее родной Франции, которая стала знаменосцем свободы в 1789 году, но теперь в духовном плане пала ниже всех государств, втянутых в конфликт. Страна, летом 1940-го почти не оказавшая сопротивления гитлеровским войскам, которые заняли ее всего за несколько недель, всё еще вынуждена ждать освобождения извне, а народ ее совершенно утратил веру в себя. Можно сказать, что Франция лишилась важнейшей из духовных скреп – тяги к «укоренению».

Укоренение – это, быть может, наиболее важная и наименее признанная потребность человеческой души, одна из тех, которые труднее всего поддаются определению. У человека есть корни благодаря его реальному, активному

и естественному участию в жизни сообщества, которое сохраняет живыми определенные сокровища прошлого и некоторые предчувствия будущего. Это участие естественно в том смысле, что оно обусловлено автоматически местом, условиями рождения, профессией, социальным окружением. Каждый человек <...> испытывает потребность воспринимать почти всю полноту моральной, интеллектуальной, духовной жизни через ту среду и те круги, принадлежность к которым для него естественна.

<...> Лишение корней происходит всякий раз при военных завоеваниях <...>. Но когда завоеватель остается чужеземцем на территории страны, властелином которой он стал, тогда лишение корней становится для поработанных народов болезнью почти смертельной. Своего пика она достигает в случае массовых депортаций, как это было, например, в Европе, оккупированной Германией <...>[22]

Такова оценка, данная весной 1943 года текущей ситуации самопровозглашенным теоретиком теневого кабинета генерала де Голля Симоной Вейль. Для нее, еврейки по происхождению, с годами впитавшей христианское мировоззрение, такой анализ духовной деградации как подлинной причины всемирной бойни становится источником мысли едва ли не сверхчеловеческой.

В трансе

Словно в трансе, она позволяет своим уникальным мыслям во всей их полноте выплескиваться на бумагу. Час за часом, день за днем. Недосыпая. А главное, недоедая – как когда-то давно. Вейль записывает в дневнике:

Но если рассматривать общее и неизменное состояние человечества в этом мире, то вполне может быть, что есть досыта – всегда род мошенничества. (Я много была в этом повинна.)[23]

Пятнадцатого апреля 1943 года экстаз неожиданно обрывается. Находясь в своей комнате, Вейль теряет сознание. Лишь несколько часов спустя ее находит одна из знакомых. Вейль приходит в себя, но категорически запрещает звать врача. Она еще верит в возможность получения боевого задания. Звонит Шуману. Тот в ответ на ее настойчивые расспросы заверяет, что с операциями во Франции пока ничего не ясно – то есть, в принципе, всё возможно. Особенно, если она скоро поправится. Только после разговора с Шуманом Вейль позволяет отвезти ее в больницу.

Слабоумная

Если бы нью-йоркская писательница и философ Айн Рэнд захотела найти воплощение тех ценностей, которые, по ее мнению, привели к катастрофе мировой войны, она не нашла бы кандидатуры лучше, чем реально существующая в Лондоне Симона Вейль. Весной 1943 года ничто не кажется Рэнд таким пагубным с политической точки зрения, как готовность пожертвовать собственной жизнью во имя нации. Ничто не кажется ей таким фатальным с моральной точки зрения, как стремление помочь другим. С философской точки зрения нет ничего глупее, чем слепо полагаться на Бога. С метафизической – нет ничего абсурднее, чем опираться в своих действиях на ценности, источником которых является потустороннее царство трансцендентности. И, наконец, с экзистентной (existentiell⁷) – нет ничего безумнее, чем личная аскеза ради спасения мира.

Именно такое мировоззрение вкупе с вытекающей из него этикой – настоящий враг. Рэнд ставит своей целью превзойти и полностью искоренить этого врага в любых его проявлениях. Никаких уступок иррационализму. Тем более если дело касается твоего собственного выживания.

За десять лет независимой жизни в качестве «свободной художницы» Рэнд в полной мере удостоверилась в том, что вопросы выживания – это прежде всего вопросы бизнеса. Особенно в США. Поэтому она так горячится в письме к своему редактору Арчибальду Огдену от 6 мая 1943 года:

Доверие – я понятия не имею, что означает это слово. Если Вы имеете в виду *веру* в религиозном смысле, то есть в смысле слепого согласия и принятия, то я не доверяю ничему и никому. Никогда не доверяла и не буду. Единственное, на что я опираюсь, – мой разум и факты.

Таково объяснение Рэнд основ ее миропонимания. И тотчас – переход к насущному:

Какие на данный момент существуют объективные предпосылки для того, чтобы издательство Bobbs-Merrill успешно продавало мой роман? Кому мне верить? И на каком основании?[24]

Она работала над книгой семь лет. Вложила в нее весь пыл своей жизненной энергии, все свои творческие силы, а главное – свою философию. Теперь же издательство собирается анонсировать *Источник* как любовную историю в архитектурном бюро. Пресс-служба отказывается даже донести до аудитории тот факт, что автор книги – женщина.

Если речь идет о доверии таким работникам, то это, несомненно, доверчивость слабоумного. <...> Вы уверены, что это то, чего Вы от меня ждете?[25]

Вопрос, конечно, риторический. На Рэнд смотрели по-разному. Но как на слабоумную – никогда. Напротив, все, говорившие с ней хотя бы пару минут, понимали, что имеют дело с интеллектом исключительной ясности и такой же исключительной бескомпромиссности. Ибо в центре мировых проблем окружающие видели не свои собственные жизни, а жизнь всех остальных. Тогда как Рэнд было безразлично, что все они думают и как поступают. Ее волнует, *почему* они поступают так, а не иначе. Почему не могут думать и действовать разумно? Что

---

⁷ Речь об одном из двух (в параллель к existential, «экзистенциальный») важнейших терминов ранней философии Хайдеггера, описывающем «вещный» способ существования. Термины «экзистенциальный» и «экзистентный» подчинены разным порядкам: первый – порядку онтологической детерминации (он соотносен с Бытием как таковым); второй – онтической (соотносен с сущим).

мешает людям опираться на собственные суждения, основанные на фактах? Ведь у нее это получается.

Бесстыдство

Почему даже сейчас, за день до официального выхода ее книги, редактор не хочет признать очевидное: два-три анонса – это просто фарс. Фактически же издательство просто плюнуло на эту публикацию. Маркетологи решили, что *Источник* сам должен пробить себе дорогу к книжным прилавкам и – если вообще до этого дойдет дело – в списки бестселлеров. В конце концов, любой, кто прочтет хотя бы одну из семисот страниц ее романа, сразу поймет, что тема книги – не похождения архитектора-супергероя Говарда Рорка. Скорее, она представляет собой философский манифест. Что ж, идейное сооружение, полное пространных монологов и к тому же бросающее вызов всем тем моральным нормам, на которых основываются этические представления основной массы читателей в США, – и вправду не простой случай для рынка.

Но именно в этом Рэнд видит главное достоинство своей книги. Так и надо представлять роман – как опыт, способный *трансформировать* сознание читателя, открыть ему принципиально новый взгляд на мир, вывести из пещеры к свету, дать возможность впервые посмотреть на себя и на свое окружение без шор! Перед друзьями Рэнд демонстрирует полную уверенность в том, что сто тысяч экземпляров – минимум, на который надо рассчитывать[26]. Более того, она не сомневается в скорейшей голливудской экранизации романа с ее любимым Гэри Купером в роли Рорка.

Но что, если рассуждать *строго рационально*, этому препятствует? Точно не качество изложения. И уж никак не актуальность темы. Посмотрите, куда катится мир и, конкретно, Америка! Разве не чувствуем мы все, что нечто идет категорически не так? Что нужно срочно спасти целую цивилизацию от угрозы краха, которую она сама же и породила? И разве не очевидно, что подтолкнуть ее к исцелению от недуга, грозящего ей сегодня, весной 1943 года, гибелью в результате всемирной оргии насилия, можно, лишь применив силу свободного суждения, аргументированную логику и, не в последнюю очередь, убеждающую мощь литературного слова?

Готовность к борьбе

Для Рэнд цель состоит прежде всего в том, чтобы осветить «борьбу между индивидуализмом и коллективизмом не в политике, а в человеческой душе»[27]. Именно в *этом* главная тема ее книги: борьба между автономией и несамостоятельностью, между мышлением и подчинением, между мужеством и смирением, между творчеством и копированием, между цельностью и распадом, между прогрессом и упадком, между «я» и всеми остальными. Между свободой и подавлением.

Работы Макса Штирнера и Фридриха Ницше – лишь первые наброски на пути к истинному освобождению индивидуума от ярма альтруистической рабской морали. Только ее философия, философия Айн Рэнд, способна дать просвещенному эгоизму объективно обоснованный фундамент! Поэтому в конце повествования она отправляет Говарда Рорка, спасителя от всех современных напастей, на решающий судебный процесс, где он держит защиту. Рорк – это свобододлюбивое воплощение чистого, созидающего разума. Его кредо – кредо самой авторки:

Творец живет ради своего дела. Он не нуждается в других. Первичная цепь замкнута в нем самом. <...>

Альтруизм – учение, согласно которому человек должен жить для других и ставить других выше себя.

<...> ближайший прототип [приверженца альтруизма. – *Ред.*] в реальном мире – раб, человек, который по определению служит своему господину. Если отвратительно физическое рабство, то насколько более отвратительно рабство духовное, раболепство духа. Раб по принуждению сохраняет остатки чести. Его оправдывает то, что он сопротивлялся и считает свое состояние злом. Но человек, добровольно отдающийся в рабство во имя любви, становится самым низменным существом на свете. Он позорит человеческое достоинство и опошляет идею любви. Но в этом суть альтруизма.[28]

Рэнд знала, какие слова вложить в уста своему герою. Ведь ей пришлось на собственной шкуре испытать, каково жить в обществе, членов которого государство превратило в рабов. У семьи Розенбаум⁸, жившей в Санкт-Петербурге (в 1914–1924 годах – Петроград; после 1924-го – Ленинград), как и у многих других обеспеченных еврейских семей, во время Октябрьской революции была отобрана собственность. В конце 1918 года, после конфискации отцовской аптеки – Ленин: «Грабь награбленное!», – Айн (которую тогда еще звали Алиса) со своими родителями и двумя младшими сестрами бежала в Крым. Тысячи километров пути, сначала поездом, затем пешком. В 1921-м семья вернулась в Петроград. Однако отцу как представителю «буржуазии» – даром что он остался вовсе без средств, – не позволили вернуться к аптечному делу[29].

Осенью 1921 года Рэнд поступает в Петроградский университет на трехлетний курс, объединивший историю, филологию и право, а после его окончания в 1924-м идет в Школу экранного искусства, где собирается изучать кинематограф. Но ее главная цель к этому времени уже иная: девятнадцатилетняя вундеркиндка мечтает покинуть СССР. Не желая ни слова слышать об утопическом «новом человеке», она хочет сделать себя сама, согласно своим собственным убеждениям, и стать тем, кто она есть на самом деле: творцом собственного мира. Она стремится на свободу, в страну своих кумиров – кинозвезд и режиссеров. В Соединенные Штаты.

---

⁸ Айн Рэнд О'Коннор (урожд. Алиса Зиновьевна Розенбаум) родилась в Санкт-Петербурге в 1905 году в семье фармацевта и преуспевающего предпринимателя Залмана-Вольфа (Зиновия Захаровича) Розенбаума. Псевдоним, под которым она позже прославилась в качестве литераторки, Рэнд использовала с середины 1920-х годов.

К началу 1926 года родителям удастся получить для дочери выездную визу и отправить ее к родственникам в Чикаго. И вот спустя шесть недель, полных приключений (Рига – Берлин – Гавр – Нью-Йорк), она едет на автобусе в Голливуд, чтобы писать там книги и сценарии. Алисе Розенбаум двадцать один год, она почти не говорит по-английски и хочет, чтобы теперь ее называли исключительно Айн Рэнд. Если старый мир обречен, то в новом у нее еще есть шанс стать другим человеком. Она клянется скорее умереть, чем вернуться на родину.

Только логика

Следующие семнадцать лет жизни Рэнд – это ежедневная борьба за американскую мечту. После публикации *Источника* перед ней забрезжила надежда на осуществление жизненной цели, тогда как ее сестрам и родителям грозит смерть от голода в Ленинграде, окруженном гитлеровской армией. Конечно, если они еще живы. Ведь нет никакой возможности узнать это. Даже те скудные сведения – по большей части слухи – о происходящем в осажденном городе, что доходят с той стороны Атлантики, далеко превосходят обычное человеческое понимание. К весне 1943 года в Ленинграде будто бы погибло около миллиона жителей. Давно перебиты и съедены все собаки и кошки. Говорят о распространении каннибализма[30]. Нет, с нее довольно. Всё это она уже пережила. Голод. Тиф. Трупы. Именно это раскрыло ей глаза. И теперь у нее философский взгляд на вещи.

По мнению Рэнд, кровожадность Гитлера и Сталина подчинена одной и той же логике, логике насильственного порабощения отдельного индивида государством во имя коллектива, стоящего выше с идейной точки зрения. И как ни называй этот коллектив: «класс», «народ», «нация» или «раса», – различия лишь внешние. Потому что по своим задачам, методам и, прежде всего, по своим человеконенавистническим деяниям все «тоталитаризмы» (с начала сороковых годов Рэнд называет этим словом любые политические угрозы) в конечном счете одинаковы[31]. Сначала тоталитаризм победил в России, затем – в Италии, затем – в Германии. Ни одна страна не застрахована от него. В том числе США. Тем более США! Ведь успех тоталитарных режимов в осуществлении последовательного, хорошо продуманного закабаления людей зависит не от публичной поддержки народных масс, а только и исключительно от их тупого равнодушия.

После вступления США в войну в период правления президента Рузвельта, проводившего «Новый курс», Рэнд увидела угрозу в том, что весь мир рухнет из-за одной-единственной ложной идеи, из-за фундаментальной философской ошибки, заключающейся в облагораживании самопожертвования во благо других, во имя коллектива, превозносимого пропагандой. Это тот альтруистский тупик, которого необходимо избежать! Эта война – война идей.

Все эти ужасы сотворены *исключительно* людьми, потерявшими всякое уважение к отдельному, индивидуальному человеческому существу; людьми, ослепленными той идеей, что важны только классы, расы и нации, а не отдельные личности; что большинство свято, а меньшинство – мусор; и что имеет значение стая, а не конкретный человек. Какую позицию займете вы? Здесь нет среднего пути.[32]

Рэнд написала эти строки для политического манифеста еще в 1941-м. Теперь она хочет как можно скорее, с оглядкой на обострившуюся политическую ситуацию, напечатать их в научно-популярной брошюре. Весной 1943 года она испытывает небывалую прежде решимость использовать все свои интеллектуальные ресурсы в войне идей. Причем из чисто личного интереса. Ради своей частной свободы и своего душевного равновесия, которые оказались под угрозой. Ради всего, что дорого ей в этом мире, а не в каком-либо ином. Ну а ради чего же еще – или ради кого?

Чужбина

Всего в нескольких шагах от квартиры Айн Рэнд на Манхэттене живет Ханна Арендт, которая тоже ощущает неизбежность нового самоопределения. Хотя она настроена менее воинственно. Так, тридцатилетняя мыслительница пишет в январе 1943 года в одной из своих статей:

Лишь редкие индивидуумы имеют достаточно сил, чтобы сохранять моральную устойчивость, когда рушится их социальный, политический и юридический статус.[33]

Глядя на себя в зеркало спустя десять лет после изгнания из гитлеровской Германии, Арендт вовсе не уверена в том, что у нее самой энергии в достатке. Никогда прежде не оказывалась она в такой изоляции, не ощущала такую пустоту и бессмысленность, как в последние недели.

Мы потеряли наш дом и привычную повседневную жизнь. Мы потеряли нашу профессию и веру в то, что приносим этому миру какую-то пользу. Мы потеряли наш язык, а с ним и естественность реакций, простоту самовыражения и непринужденность эмоций. Мы оставили наших родственников в польских гетто, наших лучших друзей убили в концлагерях, и всё это означает крах нашего частного мира. <...>

Когда нас спасают, мы чувствуем себя униженными, а когда помогают, мы чувствуем себя оскорбленными. Как безумцы, мы боремся за наше частное существование со своей индивидуальной судьбой.[34]

Эти строки будто повествуют о тех душевных страданиях, которые Симона Вейль считает неминуемым следствием экзистентного «отрыва от корней». С той разницей, что Арендт не живет в оккупированной стране и не является жертвой массовых депортаций. Так что ее эссе *Мы, беженцы*, откуда взят этот фрагмент, скорее описывает ту всеобъемлющую утрату, которую немецко-еврейские мигранты в Новом Свете ощущают особенно остро на рубеже 1942–1943 годов. Арендт и ее муж на протяжении многих недель целыми днями только и делают, что смотрят вместе в серое «ничто» зимнего неба над Нью-Йорком. Курят. Молчат. Как последние люди на Земле.

Без барьеров

Неисправимая оптимистка, Арендт все эти десять лет воспринимала свою ситуацию, не теряя выдержки и проявляя находчивость. В ней хватало огня, чтобы в случае необходимости проложить путь в новую жизнь. Из Берлина в Париж, из Парижа в Марсель, потом сюда, в Нью-Йорк. И всегда с целью «идти своим путем без дешевых хитростей, приспособления и ассимиляции»[35].

Весной 1943 года с подиума своего спасенного частного бытия она видит только Monsieur Генриха⁹, с которым живет в меблированной комнате скверного жилого комплекса на Девяносто пятой авеню. На том же этаже, что и она, проживает ее мать, такая же беспомощная в Новом Свете, вечно хворающая Марта Беервальд, во вдовстве Арендт. Конечно, это больше, чем удалось спасти многим другим «перемещенным лицам». Но и удачным «добровольным выбором» это не назовешь.

В прошлом – ученица Карла Ясперса и Мартина Хайдеггера, Арендт за годы эмиграции не утратила навыка удерживать равновесие между двух стульев. Чтобы пересчитать людей, на чье расположение она может рассчитывать, хватает пальцев одной руки. В Нью-Йорке – ее ментор Курт Блюменфельд¹⁰; в Иерусалиме – специалист по иудаизму Гершом Шолем; в Калифорнии – Гюнтер Штерн¹¹, ее бывший муж. Да, тоже в Нью-Йорке, – теолог Пауль Тиллих. Живы ли Ясперсы, и если да, то где они? Неизвестно. Последнее письмо от них Арендт получила почти десять лет назад. Она и сама не знает, почему их общение так внезапно прервалось. Оглядываясь назад, Арендт понимает, что Карл Ясперс был ее единственным настоящим учителем. Тогда как ее связь с Хайдеггером, некогда теснейшая, разорвалась по более ясным причинам: Хайдеггер вступил в НСДАП, стал ректором Фрайбургского университета, а в одном из своих обращений к студентам в ноябре 1933 года объявил: «Сам фюрер и только он *есть* настоящая и будущая немецкая действительность и ее закон»[36]. Пока что она не набралась смелости обратиться к Эрнсту Кассиреру, ныне преподающему в Йеле, хотя у них есть общие друзья.

---

⁹ Блюхер, Генрих Фридрих Эрнст (1899–1970) – немецкий поэт и философ; с 1940 года состоял в браке с Арендт. См. ниже, глава IV, с. 122–123.

¹⁰ Блюменфельд, Курт Иехуда (1884–1963) – один из лидеров немецкого сионизма; близкий друг Арендт. Участвовал в сионистских конгрессах с 1909 года; в 1909–1911 годах занимал пост секретаря Сионистской федерации Германии, в 1924–1933 был ее президентом. Предложенная Блюменфельдом трактовка сионизма, отвечавшая духовным запросам ассимилированных евреев, начиная с 1920-х годов имела значительное влияние на еврейских интеллектуалов в Западной Европе.

¹¹ Андерс (при рождении Штерн), Гюнтер (1902–1992) – австрийский писатель, философ (был близок к Франкфуртской школе социальных исследований) и политический активист (принимал участие во всемирных антиядерном и антивоенном движениях) немецко-еврейского происхождения; двоюродный брат Вальтера Бенямина. В 1929–1937 годах Андерс состоял в браке с Арендт; помимо использованного Айленбергером тома их переписки (*Putz K., hrsg. Hannah Arendt und Günther Anders. Schreib doch mal hard facts über dich: Briefe 1939 bis 1975. München, 2018*), см. книгу его воспоминаний: *Anders G. Die Kirschenschlacht. Dialoge mit Hannah Arendt. München: C. H. Beck, 2011.*

Разрыв

После вступления США в войну стало еще труднее получать сведения об оставшихся в Европе родственниках и знакомых, не говоря уже о том, чтобы помочь им бежать. Тяжко читать в немецкоязычной эмигрантской газете *Der Aufbau* (Арендт сама почти год вела в ней колонку) материал о депортации из лагеря интернированных в Гюрсе, на юге Франции, с приложенным списком депортированных[37]. Арендт была интернирована в этот лагерь в 1940 году, и теперь ей попадаются знакомые имена.

Статья в *Der Aufbau* этой зимой – лишь одно из множества печатных свидетельств наступления новой фазы в нацистской политике в отношении миллионов европейских евреев, загнанных в концлагерь. Теперь уже нет сомнений в том, что, в соответствии с программой объявленного Гитлером и Геббельсом «окончательного решения еврейского вопроса», совершен переход к планомерному уничтожению людей при помощи газовых камер в специально созданных лагерях смерти. Арендт и прежде не питала сомнений относительно педантичной ненависти к евреям со стороны нацистов, но кто мог ожидать такой жестокости? Даже они с мужем поначалу не верили этим сообщениям. Слишком чудовищны эти действия, слишком абсурден замысел. С любой точки зрения. В том числе – с точки зрения логистики и стратегии. Особенно в момент, когда гитлеровская армия терпит одно поражение за другим. В одном СССР, по имеющимся сведениям, она потеряла этой зимой миллион солдат.

Но, судя по всему, это правда. Так много сообщений, из самых разных рук. На протяжении следующих недель Арендт пережила гибель мира, крушение невиданных масштабов. Оно касалось не отдельной группы людей, не конкретного места или времени, а самой человечности (*Menschsein*). Арендт охватило метафизическое отчуждение. Будто посреди этого мира, внутри нее самой, разверзлась пропасть, которую никто и ничто уже не сможет преодолеть.

Во что конкретно они не могли поверить? Что им казалось невозможным? Нет ничего сверхъестественного в том, чтобы объявить врагом целый народ, пусть даже и рассеянный по миру. Нет ничего сверхъестественного и в самой войне со всеми ее зверствами. В истории случалось подобное – вся она состоит из войн. Но *это...* Ничто не опрокидывало Арендт в такое полное бессилие, как изнурительная неспособность найти слова для описания происходящего[38].

Современность

Она предпочла бы совсем отбросить свое прошлое «я». Сделать вид, будто она сама вольна решать, кто она и как ей жить на свете. Некоторые люди и даже некоторые философы считали это возможным. Но для таких иллюзий Арндт никогда не была достаточно молодой. Она знала, что на самом деле «создать новую личность так же трудно и безнадежно, как создать новый мир»[39]. Никто и никогда не начинал с чистого листа. Никто не свободен. У каждого из нас есть корни, как бы мы ни желали от них оторваться – будь то вследствие мании величия или глубокого отчаяния.

При глубоком размышлении остается всего один способ объяснить, как дело дошло до этой адской бойни. Ее первопричина – безумное желание отдельных людей перекроить мир по своему, создать его заново, по единой для всех мерке. Безумная мечта о мире, подчиненном общему правилу; о мире, которому для его вечного становления не нужны другие люди, не нужно живое сопротивление. Кошмарный сон о тотальном господстве.

Но если это действительно сон, то ведь всегда, даже в самые мрачные времена, есть шанс проснуться. Нужно лишь найти в себе мужество открыть глаза и не закрывать их – и в здравом рассудке заглянуть в ад современности. «Сказать правду, даже если это страшная правда»[40]. Засвидетельствовать, из каких глубин она появилась на свет. Не подчиняться ни прошлому, ни будущему. Не следовать слепо ни своему предубеждению, ни суждению других. Найти мужество думать своей головой. Быть свободной в своих мыслях.

Именно сегодня, в тот момент, когда Арндт собирается с силами, важно «находиться целиком и полностью здесь и сейчас»[41]. Иными словами – философствовать.

II. Эмиграция (1933–1934)

АРЕНДТ ПОКИДАЕТ СТРАНУ

ВЕЙЛЬ – ПАРТИЮ

БОВУАР – СКЕПСИС

А РЭНД – СЦЕНАРИЙ

Сети

«Обычно, когда кто-то сидит передо мной, я смотрю в документы и понимаю, в чем дело. А с вами мне что делать?»[1] Судя по всему, ее имени пока нет в картотеке гестапо. Даже если бы Ханна Арендт захотела помочь молодому комиссару, она не смогла бы объяснить, по какой именно причине этим майским утром был прерван их с мамой завтрак в кафе неподалеку от Александерплац, после чего их затолкали в машину и привезли на допрос.

Причин могло быть много. Всю весну ее квартира на Опиштрассе служила убежищем для жертв политического преследования. А тут еще просьба Курта Блюменфельда собрать для грядущего сионистского конгресса в Праге свод «антисемитских высказываний на низовом уровне», составлением которого она день за днем занималась в газетном архиве Прусской государственной библиотеки. Подобная деятельность теперь тоже была незаконной.

В целях запугивания они работают просто по спискам, либо по спискам на основании других списков. В частности – по записной книжке Бертольта Брехта. Уже через несколько дней после прихода Гитлера к власти гестапо конфисковало эту книжку из брехтовской квартиры. В ней содержался полный перечень всей коммунистически настроенной интеллигенции Берлина, к которой принадлежит и Гюнтер Штерн, муж Арендт.

Штерн бежал из Берлина в Париж еще в начале февраля, опасаясь попасть в лапы вновь созданной прусской «вспомогательной» полиции. И не зря. Всего через две недели – как будто поджог Рейхстага в ночь с 27 на 28 февраля был давно спланированным стартовым сигналом – пошли волны репрессий: беспричинные аресты, депортации во временные концентрационные лагеря в пригородах, даже городские спортзалы стали пыточными камерами. В одном только Берлине тем летом насчитывалось более двухсот таких мест. Нацистский террор проник в жизнь простых людей. Счет жертв шел уже на тысячи.

Скорее всего, гестапо в эти минуты проводит обыск в ее квартире. Но что эти глупцы там найдут, кроме десятков блокнотов с греческими цитатами, стихами Гейне и Гёльдерлина да тьмы выписок по культурной жизни Берлина начала XIX века?

Что же касается официальных данных, то она – доктор философии с безупречной репутацией (в прошлом году истек срок ее стипендии Общества поддержки немецких ученых). Классический берлинский персонаж: хорошее образование без доходов, статьи без издателей. Разумеется, все дни она проводит в библиотеке – а как иначе? Наука зовет.

Оказалось, что от матери на допросе им тоже не удалось добиться ничего путного. Вопрос о делах Ханны Марта Беервальд (во вдовстве – Арендт) с упорством парировала, демонстрируя неколебимую родительскую солидарность: «Не знаю, чем она занимается, но что бы она ни делала, это хорошо. Я бы делала точно так же»[2].

Обеих отпускают к вечеру[3]. Им не пришлось даже обращаться к адвокату. Повезло. На этот раз. Тем не менее Арендт принимает решение: в этой стране нет будущего. По крайней мере – для таких, как она.

Случай Рахели

В это первое лето после триумфа лидера национал-социалистов лишь немногие настолько ясно, как Ханна Арендт, понимали, что человек отнюдь не всегда волен распоряжаться своей идентичностью. Она уже три года занимается изучением сложных проблем самоидентификации немецкой еврейки-интеллектуалки на рубеже XVIII–XIX веков. Модель и предмет ее изысканий – берлинка Рахель Фарнхаген¹². Арендт создала психограмму женщины, в чьей судьбе нашли отражение все аспекты непростой истории образованного немецкого еврейства, и прежде всего – вопрос ассимиляции. В книге, составленной из цитат по коллажному принципу, описан процесс формирования сознания еврейки, которой активное отрицание собственного происхождения долгое время не позволяет выстроить здоровое отношение к себе и к миру. Дитя своего времени, Рахель была маргинализирована (подобно Арендт) трижды: как женщина, как еврейка и как интеллектуалка. Ее отказ принять свое социальное положение таким, каким оно неизбежно являлось и каким его видели другие, привел к ситуации мучительного самоотречения:

Борьба Рахели с фактами, и прежде всего с фактом своего еврейства, быстро превращается в борьбу против самой себя. Себе она отказывает в гармонии, себя, дискриминируемую – поскольку она не может просто отрицать свое существование, – Рахель отвергает, пытается изменить, обмануть. <...> Если ты однажды сказал себе «нет», тебе не остается другого выбора. Путь только один: прямо сейчас ты должен, отказавшись от себя, быть кем-то другим.[4]

Случай Рахели представляется Арендт таким характерным для своего времени еще и потому, что в жизненных коллизиях этой женщины сталкиваются друг с другом два вида отваги. Просвещенная отвага опираться на свой разум и быть благодаря этому автономным разумным существом – и отвага признать, что над свободой человеческого самоопределения неизменно тяготеют исторические и культурные обстоятельства, которые никто не в силах превозмочь. В эпоху Рахели это столкновение находило выражение в противоречии между двумя разными идеалами: между Просвещением и романтизмом. Между разумом и историей, между гордостью и предубеждением, между мышлением и послушанием. Между мечтой об абсолютной свободе самоопределения человеческого «я» и неизбежными ограничениями, накладываемыми влиянием других.

По Арендт, просвещенный разум способен «освободить человека от предрассудков прошлого и сформировать его будущее».

Но этого, к сожалению, недостаточно: он [разум. – *Ред.*] освобождает только индивидуально, и только будущее Робинзонов находится в его власти. Освобожденный им индивидуум неизбежно сталкивается с миром, с обществом, над которым властвует прошлое в виде «предрассудков» и которое доказывает ему, что реальность прошлого всё еще остается реальностью. Может быть, для Рахели ее еврейское происхождение и является далеким прошлым, может быть, оно совершенно исчезло из ее мыслей; но в головах других людей оно живет и здравствует вместе со всеми связанными с ним предрассудками.[5]

---

¹² Фарнхаген фон Энзе (урожд. Левин), Рахель (1771–1833) – немецкая писательница еврейского происхождения; свод ее переписки и воспоминаний считается важным памятником позднего периода романтизма. Будучи хозяйкой известного берлинского литературного салона, Фарнхаген активно пропагандировала идеи эмансипации евреев и женщин.

Никто не в силах избежать этого противоречия – не стоит и пытаться. Потому что ценой такого избегания стала бы потеря всего того, что мы называем миром и действительностью.

Просвещенная

В «случае Рахели» Арендт видит риск утраты мира во имя самоопределения, кажущегося слишком рациональным. Тем самым она сознательно развивает философскую линию двух своих главных учителей, Мартина Хайдеггера и Карла Ясперса. Хайдеггер (с которым Арендт начиная с 1925 года была связана длительными любовными отношениями) еще в пору ее студенчества в Марбурге указал ей «слепые зоны» в современных представлениях о мире и человеке. Человек, как сказано в его ключевой работе *Бытие и время* (1927), является вовсе не разумным «субъектом», а беспричинно заброшенным в мир «присутствием» (Da-Sein). И живет он в качестве думающей и, прежде всего, действующей сущности не в безмолвной «реальности», которую волен по своему усмотрению наполнять смыслом, а в «окружающем мире» (Umwelt), изначально наполненном для него различными значениями. Подлинная автономия человека, согласно Хайдеггеру, связана не с его рациональными решениями, расчетами или правилами, а, в гораздо большей степени, с его способностью проявлять самостоятельность в пограничных, нестандартных экзистентных ситуациях.

Эти же темы в 1920-х годах волновали и ближайшего единомышленника Хайдеггера – Карла Ясперса, к которому Арендт в 1926-м явилась в Гейдельберг, заявив о своем желании писать диссертацию под его руководством. Однако, в отличие от Хайдеггера, Ясперс в своей «философии существования» (Existenzphilosophie) уделял внимание не столько власти темных разъединяющих эмоций наподобие страха или предвосхищения смерти, сколько возможности человека через коммуникацию и открытость в отношении других найти путь к более светлой и свободной жизни. Эта открытость, полагал он, всегда имеет диалогический характер, что подразумевает необходимость реального партнера и исключает безличные формы, безадресные обращения к «людям» или «человечеству».

Усвоив эти тезисы, Арендт с конца 1920-х годов выстраивает новое основание для интерпретации положения человека, которое позволяет ей найти совершенно оригинальный – как по форме, так и по содержанию – подход к рассмотрению жизни Рахели Фарнхаген. Разве она не является идеальным примером того давления, которое обуславливает любое современное существование?

Многоголосие

Познать себя через Рахель: для Арндт как для философа это означает отказ от всех умозрительных и потому внеисторических концепций рациональности. Это равнозначно признанию того, что истинное познание себя возможно только через других людей, путем отказа от любых абстрактных рассуждений о «человеке как таковом». Поэтому Арндт отдает концептуальное предпочтение изучению конкретных ситуаций, а не абстрактному анализу и абстрактным выводам. Экзистенциальная философия (Existenzphilosophie) как многоголосный репортаж существования (Dasein).

В первых же строках своей книги о Рахели Арндт открыто постулирует такой подход, позиционируя себя – ровно через сто лет после смерти своей героини, в момент драматического излома немецко-еврейской истории, – авторкой 1933 года.

Подобно Дон Кихоту, этому навеки связанному ложными дескрипциями идеалисту, блуждающему по миру в поисках самого себя, Рахель Фарнхаген, представительница эпохи романтизма, на смертном одре переживает момент истинного просветления и понимания себя:

Правдивая история! – Бежавшая из Египта и Палестины, теперь я здесь, и от вас я получаю помощь, любовь и заботу! <...> С восторгом и трепетом я думаю о своем происхождении и тех хитросплетениях судьбы, которые связали древнейшую память человечества с самыми последними событиями, соединили самые удаленные точки во времени и пространстве. Теперь я ни за что не откажусь от того, что на протяжении всей моей жизни было величайшим позором, горьким страданием и несчастьем, – от своих еврейских корней.[6]

Когда Арндт записывает эти слова, ей также предстоят кардинальные перемены в жизни. Подобно тому как некогда благополучная горожанка Рахель Фарнхаген лишь во время наполеоновских войн осознает, что «и ее существование подчиняется общей политической ситуации»[7], Арндт «благодаря» Гитлеру открывает для себя сферу политики. Подобно тому как Фарнхаген в конце концов с благодарностью принимает свою исконную национальную идентичность, Арндт в ходе работы над книгой всё глубже осознает всю специфичность своего социального положения, ранее ею не тематизированного, и связанные с ним опасности.

Итак, под давлением наступающего нацистского режима процессы политизации и еврейской самоидентификации для Арндт слились воедино. В результате, приняв предложение сиониста Курта Блюменфельда, она стала собирать случаи антисемитских выступлений, ставших в Германии частью повседневности.

Однако кто она на самом деле и кем хочет стать в будущем, пока неясно. Лишь одно Арндт знает наверняка: ее идентификация зависит не от нее одной. Со всех сторон усиливаются требования определиться в этом вопросе. Как будто полицейское стремление расставить всё по своим местам внезапно распространилось на всё общество.

Немецкая природа

Те же темы фигурируют в начале 1933 года и в переписке Арендт с ее научным руководителем Карлом Ясперсом. Дух времени вдохновил его, как и Арендт, на разработку обычной психогаммы. Причем вопрос идентичности и на этот раз стал первоочередным. В конце концов Ясперс нашел «в националистической молодежи столько искреннего пыла и добрых намерений, которые поглощены запутанной, порочной болтовней»[8], что попытался, вслед за одним из своих коллег-профессоров, а именно умершим в 1919-м социологом Максом Вебером, найти веские причины для того, чтобы «быть немцем».

Ясперс, сознательно выбравший для публикации своей работы издательство с националистическим уклоном¹³ «чтобы обратиться к читателям, которым нужен этот воспитательный стимул»[9], еще осенью 1932 года отправил Арендт книгу с личным инскриптом. Название книги: *Макс Вебер. Немецкая природа в политическом мышлении, в исследованиях и философствовании*[10]. Адресатка долго вынашивает ответ:

Берлин, 1 января 1933

Уважаемый, дорогой господин Профессор,

Позвольте поблагодарить Вас за Макса Вебера, который так меня порадовал. Но всё же я благодарю Вас только теперь и на то есть своя причина: высказать свое мнение мне с самого начала помешали заголовок и вступительная часть. Дело не в том, что Вы изображаете Вебера «великим немцем», а в том, что Вы изображаете его эталоном «немецкой природы» и приравниваете это к «рассудительности и человечности, происходящей из страстей». <...> Вы понимаете, что, будучи еврейкой, я не могу ответить ни да ни нет, а мое согласие будет так же неуместно, как и мои аргументы против. <...> Для меня Германия – это мой родной язык, философия и поэзия. За них я могу и должна нести ответственность. Но я вынуждена держаться в стороне, я не могу быть ни за, ни против, когда читаю бесподобные пассажи Макса Вебера о том, что ради восстановления Германии он готов на союз с воплощением самого дьявола. И в этом пассаже для меня заключена вся суть.

<...> Помимо занятий домашним хозяйством, я возвращаюсь к работе. Большая часть работы о Рахели уже завершена.[11]

Хотя в начале 1933 года уже совершенно ясно, с каким именно воплощением дьявола Германия готова заключить пакт ради своего «восстановления», Арендт отказывается занимать однозначную позицию. Она лишь признаёт факт существования родного языка и той традиции, благодаря которой она вообще появилась на свет как мыслящее создание. Но не в смысле определенных взглядов, идеалов и, тем более, территорий. Люди, подобные Арендт, носят родину по всему миру у себя в сердце (а в виде книг – в чемоданах).

Подразумевается, что в процессе чтения текстов и их интерпретации нужно постоянно открывать для себя заново некую «Германию», оживлять ее образ: поэтому невозможно раз и навсегда зафиксировать ее «природу». Спасительное «восстановление» возможно (если оно в принципе возможно) только через акт понимающего и благосклонного приятия, то есть через такое действие, которое, так сказать, по духу своему исключает любые дьявольские сделки.

---

¹³ Ольденбургское издательство Gerhard Stalling (осн. 1789). Об описываемой коллизии см. подробно: *Баэр П. Личная дилемма или интеллектуальное влияние? Отношение между Ханной Арендт и Максом Вебером / пер. А. Акоюн // Политическая концептология. 2018. № 1. С. 280–284.*

Ясперс незамедлительно ответил бывшей ученице, заметив, что «нельзя ограничивать себя отрицанием, одним кругом проблем и неоднозначностью»[12]. Но в начале 1933 года Арндт не желает ничего слышать ни об историко-политической миссии Германии, ни о включении всех немецкоязычных евреев в вышеупомянутую традицию. Фрагмент ее письма Ясперсу от 6 января 1933 года:

Конечно, я остаюсь немкой в том смысле, о котором уже писала. Но я не могу просто добавить к этому историко-политическую судьбу. Мне слишком хорошо известно, как несвоевременна и неполноценна была вовлеченность евреев, как по случайности они оказались частью тогда еще чуждой им истории. <...> Былое величие Германии – это Ваше прошлое, какое прошлое у меня – не получится объяснить в двух словах; как и любое однозначное суждение – неважно, касается ли оно сионистов, ассимилирующихся или антисемитов – только затрудняет понимание настоящей сути проблемы.[13]

Но разве можно, будучи немецкой еврейкой или еврейской немкой, представить себе такую жизнь, которая, «не ограничивая себя отрицанием», в то же время уклоняется от требования абсолютной однозначности, формирующей дух времени? Какой могла бы быть жизнь помимо «случая Рахели» и вне безусловного принятия, а следовательно, и вне политической ангажированности? Жизнь без барьеров, но имеющая опору? И где теперь Арндт могла искать ответы на эти вопросы? Уж точно не в Германии.

Черный ход

Арендт и ее мать выбирают классический маршрут: из Рудных гор через лес – за границу, в Чехословакию. Политические эмигранты, как правило, останавливаются в Праге; с весны 1933 года там формируется многочисленное сообщество немецких оппозиционеров, в основном социал-демократов. Интеллектуалы чаще перебираются через Швейцарию во Францию. К лету 1933-го туда уже сбежали примерно сорок тысяч человек; половина из них осела в Париже.

Переход через границу, это парадигмальное положение «между двух миров», находит идеальное воплощение в доме сочувствующей немки, «один вход в который находится в Германии, а другой – в Чехословакии: днем она принимает „гостей“, кормит их, а под покровом темноты выпускает через черный ход»[14]. Из Германии – в новую экзистенцию (Dasein).

В бешенстве

Учительница гимназии и профсоюзная активистка Симона Вейль летом 1933 года тоже окончательно распрощалась с Германией. Хотя всего год назад она неожиданно отправилась из Парижа в Берлин, чтобы там за несколько недель составить собственное мнение о ситуации. Понятно зачем. В серии из десяти репортажей для профсоюзного журнала¹⁴

---

¹⁴ Статья *Ситуация в Германии (La situation en Allemagne)*, которую ниже цитирует автор, публиковалась в журнале *L'École émancipée* с декабря 1932 года по март 1933-го.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.